

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

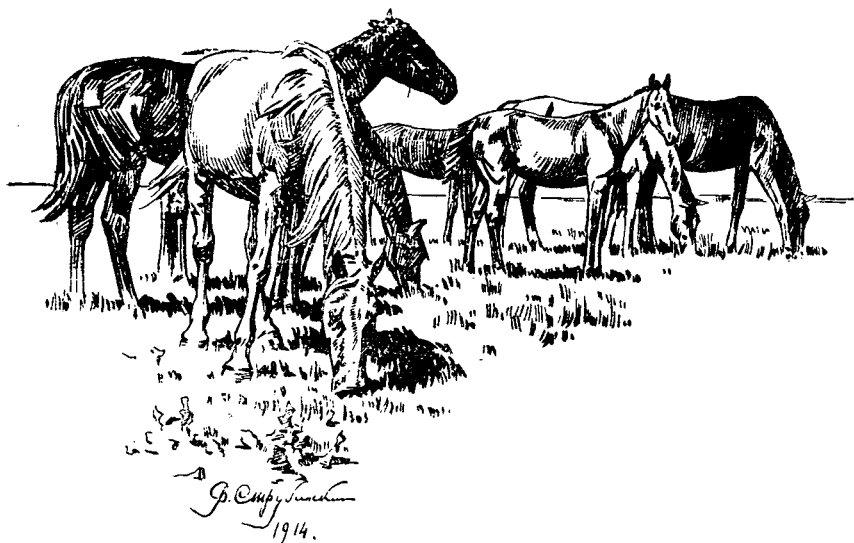
№ 11. НОЯБРЬ. 1914.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

1914'

Воспоминанія о Туркестанѣ.

Въ 19.. году команда охотниковъ моего линейнаго баталіона должна была совершить походъ изъ Самарканда въ г. Керки, расположенный на лѣвомъ берегу рѣки Аму-Дарья въ 265 верстахъ отъ Самарканда. Экскурсія предвѣщала много полезнаго, а страсть къ путешествіямъ была причиной того, что и я къ ней присоединился. Цѣль похода заключалась въ изслѣдованіи пути изъ Самарканда на г. Керки и возможности пройти по немъ отряду изъ 3-хъ родовъ оружія; кромѣ того я рѣшилъ испытать всѣ тѣ системы выюковъ для перевозки тяжестей, которыя имѣлись въ баталіонѣ; ихъ было 5, въ томъ числѣ болгарскій (самарь), на которомъ болгары возили по горамъ всевозможныя тяжести. Самарь имѣлъ слѣдующія хорошия качества: 1) простота конструкции; 2) въ случаѣ поломки легко исправлялся подручными средствами; 3) не натиралъ спины лошади; 4) удобенъ былъ для пригонки на любую лошадь; 5) дешевъ, выписанный изъ Болгаріи обошелся съ пошлиной и пересылкой въ 38 рублей. Охотники были обуты въ опанки собственнаго издѣлія; примѣнилъ я ихъ, видя эту практичную для похода обувь въ болгарскихъ войскахъ, съ которыми я ходилъ по горамъ, дѣлая по 40 верстъ въ день. Потертости

ногъ при носкѣ опанокъ болгарскіе солдаты не знали, а потому, будучи увѣреннымъ сторонникомъ отличныхъ качествъ этой походной ничѣмъ не замѣнимой обуви, я и свою команду охотниковъ снабдилъ опанками, въ которыхъ они со своимъ лихимъ начальникомъ поручикомъ С. исходили многія мѣста Туркестана, и къ нимъ хорошо примѣнились. Къ походному снаряженію охотниковъ были добавлены войлочные мѣшки, бывшіе необходимыми при предстоящихъ ночлегахъ на отрогахъ Пата-Гисарскаго горнаго хребта, черезъ которые намъ предстояло переваливать, при морозѣ градусовъ 10 и полномъ отсутствіи топлива. Долго мы помнили наши теплыя постели послѣ труднаго пути по горамъ, покрытымъ вѣчнымъ снѣгомъ; сдѣланы они были каждый на 8 человекъ, подбиты брезентомъ, чтобы не подмокали во время сна отъ нашихъ тѣлъ.

Для довольствія было взято все кромѣ мяса, которое надѣялись получить на мѣстахъ ночлеговъ, и ячменя, который покупалъ высыпаемый впередъ сартъ-переводчикъ. Все взятое было повьючено на вьюки.

Долго возились мои охотники съ вьючкой 4-хъ системъ и только болгарскій (самаръ, по болгарски) вьюкъ заслужилъ сразу же одобреніе солдатиковъ, быстро усвоившихъ показанный имъ мною приемъ его вьючки.

Кромѣ лошадей и муловъ для возки легкихъ вещей было взято 3 ослика, везшихъ на себѣ всего по два пуда (безъ сѣдла-вьюка) груза.

Я и С. были верхомъ. Жеребецъ у С. былъ необыкновенно рѣтливый, вѣчно ржавшій; небольшого роста, онъ подъ С. все же горячился, а его хозяинъ, огромнаго роста съ длинными ногами, носясь на немъ, помахивая нагайкой, громовымъ голосомъ отдавалъ приказанія, замучивъ основательно своего Росинанта.

Наконецъ послѣ напутствій и добрыхъ пожеланій провожавшихъ насъ мы тронулись въ путь.

Пыльная дорога сильно затрудняла намъ его, и только тѣ, кто жилъ въ Туркестанѣ и знаютъ лѣсовую пыль, неподвижно стоящую въ воздухѣ, причемъ легкія словно пропитываются ею, понимаютъ, что мы переносили отъ нея при жарѣ, доходившей до 40 градусовъ. Тяжесть пути еще болѣе увеличивала вода, пробѣгавшая по арыкамъ съ рисовыхъ полей, которыми по обѣимъ сторонамъ дорога была охвачена. Пить хотѣлось невыносимо и только тренированные охотники-туркестанцы могли устоять отъ соблазна выпить воду, прозрачную, но полную малярийныхъ микробовъ. Прочиталъ

какъ то описаніе одной охоты въ Сенегалѣ, гдѣ охотники, чтобы переносить легче тропическую жару, вовсе не пили воду, а когда во рту все пересыхало, и силы ихъ покидали, брали въ ротъ глотокъ воды изъ фляжки, полоскали ею ротъ, выплевывая остатокъ на землю. Результаты такой манеры освѣженія томимыхъ жаждой людей были прекрасны:—всѣ охотившіеся переносили жажду довольно легко, но стоило выпить хотя глотокъ воды и тогда ничто и никто не могли удержать отъ желанія пить и пить безъ конца. Способъ утомленія жажды прополаскиваніемъ только рта я примѣнилъ къ себѣ и охотникамъ, и результаты получились прекрасные.

На ночлегъ, несмотря на тяжелый первый переходъ, мы пришли бодрые, и мои молодцы охотники немедленно принялись за приготовленіе чая и ужина.

Осмотрѣли съ С. вьюки и лошадей, муловъ и осликовъ, ихъ везшихъ, и остались довольны только болгарскимъ самаромъ, нисколько повидимому не утомившимъ лошадь, не намявшимъ ей нигдѣ тѣло и вслѣдствіе этого не изнурившимъ ее, что и выразилось въ томъ, что она отлично ѣла кормъ и легла только передъ разсвѣтомъ; лошади и мулы, везшіе на себѣ остальные вьюки, сильно устали, имѣли потертости на бокахъ, кормъ ѣли плоховато и лежали почти всю ночь; правда, лошадь, на которой везли болгарскій вьюкъ, была подкована на сплошныя (турецкія) подковы, что сильно предохранило наминку стрѣлки. Подкова турецкая очень практичная, предохраняющая стрѣлку отъ наминки, состоитъ изъ кружка желѣза въ $\frac{1}{2}$ пальца толщины, пригнаннаго по копыту, по срединѣ его имѣется дыра въ $\frac{1}{2}$ дюйма діаметромъ, что необходимо, какъ средство противъ гніенія стрѣлки.

Ночь была чудная, звѣздная, тихая и, хотя было не менѣе 20 градусовъ тепла, но послѣ 40 днемъ казалась прохладной, и я съ полной грудью вдыхалъ въ себя животворящій воздухъ.

Сумерки здѣсь, въ Туркестанѣ, наступаютъ быстро и потому очень опасны, такъ какъ послѣ 40 градусной жары, послѣдняя быстро спадаетъ на половину, вызывая простуду и лихорадку, почему при наступленіи сумерокъ надо надѣваться чтонибудь теплое, чтобы тѣло не такъ быстро охлаждалось. Это и было сдѣлано нами своевременно, но, спустя часъ послѣ наступленія темноты, оставаться въ пальто въ накижку было невозможно, и мы ихъ сбросили съ себя, а затѣмъ поужинавъ легли спать и заснули крѣпчайшимъ сномъ, выставивъ часовыхъ и осмотрѣвъ спавшихъ уже охотниковъ. На другой день наше путешествіе было совершено почти при тѣхъ же

условіяхъ, что и въ первый день, но только на границѣ Бухарскихъ владѣній навстрѣчу мнѣ выѣхалъ бухарскій чиновникъ съ огромной свитой, какъ оказалось это сдѣлано было, по приказанію Эмира, бекомъ (губернаторомъ). Свита, окружавшая посланца бека, сидѣла на хорошихъ коняхъ, между которыми попадались чудные экземпляры байговыхъ побѣдителей, оцѣниваемыхъ десятками тысячъ денегъ. Я любовался конями и ихъ всадниками и невольно удивлялся трусости сартовъ и бухарцевъ внѣ байговыхъ состязаній. Кто видѣлъ, какой цѣной достается на байгѣ призъ побѣдителю, который на ней проявляетъ силу, ловкость и безумную отвагу, тому особенно непонятны отрицательныя свойства бухарцевъ и сартовъ.

Присутствуя не разъ на байгѣ, гдѣ собираются тысячи всадниковъ и въ присутствіи начальствующихъ лицъ показывающихъ прямо чудеса, я былъ очевидцемъ такой сцены: подхватившій съ земли барана бухарець бросился въ толпу всадниковъ, преградившихъ ему дорогу съ цѣлью отнять у него его призъ, но быстро давшихъ дорогу смѣльчаку, вооруженному только палкой, толщиной въ палецъ, которой онъ основательно покалачивалъ, по чемъ ему ни приходилось, что въ связи съ бѣшенымъ бѣгомъ его коня невольно устрашало тѣхъ, которые попадались на его пути и ему его быстро расчищавшихъ. Тѣмъ не менѣ преслѣдованіе продолжалось, и толпа человекъ 200 все же настигла лихого скакуна и прижала его къ крутому берегу рѣки, высотой сажени 5; видя, что ему не добраться до мѣста, гдѣ стояла палатка губернатора, куда онъ долженъ былъ, отбиваясь отъ толпы всадниковъ, отнимавшихъ у него барана, его привести, онъ ударилъ коня своей палкой и бросился въ рѣчку, быстро протекавшую у подножія холма, на которомъ его застигли преслѣдователи. Какъ не разбился конь и всадникъ, на мигъ скрывшіеся въ глубокой рѣчкѣ, до сихъ поръ для меня непонятно.

Безумный прыжокъ спасъ лихого ѣздока только на время, такъ какъ другая толпа конныхъ уже ждала выплывавшаго молодца. Но, видимо, безумный прыжокъ охлаждающе подѣйствовалъ на нее и потому, когда предметъ охоты участвовавшихъ въ байгѣ выскочилъ на берегъ, да взмахнулъ своей палкой, все бросилось въ стороны, а смѣльчакъ свободно понесся, еле преслѣдуемый толпой сартовъ, ѣхавшихъ уже только поглазѣть на церемонію награжденія побѣдителя къ палаткѣ губернатора.

Особенно жуткое впечатлѣніе производитъ на зрителя тысяч-

ная толпа всадниковъ, бросающаяся очертя голову къ мѣсту, гдѣ брошенный внизъ съ горы баранъ, не докатившись до подножія холма, останется лежать на $\frac{1}{2}$ скатѣ его. Ни на что и ни на кого не обращая вниманія, вся толпа состязающихся бросается къ барану, чтобы его схватить, при чемъ случается много столкновеній, раненій, часто очень серьезныхъ. Являются смѣльчаки, которые бросаются съ холма верхомъ къ барану, съ цѣлью его схватить и не дать другимъ; лошади при этомъ спускѣ удивительно сноровисто опускаются, сядясь почти на задъ, вытянувъ переднія ноги впередъ, скользя внизъ въ силу своей тяжести, попавшей на страшно крутую покатость холма, на вершинѣ котораго стоитъ палатка почетнаго лица, въ честь котораго устраивается байга.

Въ концѣ концовъ барана всегда сбиваютъ внизъ, гдѣ ждетъ его тысячная толпа менѣ смѣлыхъ всадниковъ, ждущая того момента, когда баранъ можетъ попасть и къ ней въ руки.

Вотъ въ это то время наступаетъ самое оригинальное и опасное для участниковъ байги: всѣ хотятъ протиснуться къ лежащему на землѣ барану и такъ какъ никто его не можетъ видѣть сидя, то вся толпа какъ бы по командѣ нагибается съ сѣдла и нѣкоторое время видны только спины ищущихъ барана ѣздоковъ, да слышно ржаніе кусающихъ и бьющихъ на право и налѣво и передними, и задними ногами чудныхъ жеребцовъ, приученныхъ къ этому заранѣе. Эта дикая толкотня и драка лошадей, всадники которыхъ безстрашно ищутъ барана, рискуя жизнью, до того поразительна и ни съ чѣмъ не сравнима, что этимъ любуешься, удивляешься, и невольно приходитъ мысль о былыхъ временахъ, когда предки ихъ покоряли государства, пройдя такія мѣста, по которымъ пройти даже теперь едва ли мыслимо. Надо зорко слѣдить за этой силой, живущей пока мирно въ Средней Азіи, но могущей стать грозной въ рукахъ какого нибудь новаго лихого завоевателя, которому кто нибудь напомнить о былыхъ подвигахъ его предковъ. Попытки поднять азіатовъ дѣлаются, а Андижанское нападеніе на нашихъ туркестанцевъ, хотя и бывшее неудачнымъ для нападавшихъ, все же знаменательно, вѣдь, напали на стрѣлковъ туркестанскихъ, боевая слава которыхъ высоко цѣнится въ Средней Азіи до сихъ поръ;—надо внимательно слѣдить за всѣмъ, что дѣлается въ Бухарѣ и частяхъ Туркестана съ нею соприкасающихся, а то прозѣваемъ рожденіе опасности и въ Средней Азіи, какъ это уже сдѣлано было на Дальнемъ Востокѣ.

При встрѣчѣ меня посланцемъ бека я чуть было не сдѣлалъ

ошибки въ церемоніалѣ, который для этого существуетъ. Проѣхавъ по жарѣ верхомъ версть 30 и увидѣвъ почтеннаго чиновника бухарца, я быстро освободилъ правую ногу и только началъ слѣзать, какъ С. схватилъ меня за ногу и чуть не насильно вложилъ въ стремя мой кончикъ сапога. На мой удивленный, безмолвный вопросъ, отвѣтилъ: не надо вамъ слѣзать раньше бухарца. Я послушала его и слѣзъ очень недовольный только тогда, когда бухарецъ-чиновникъ съ низкими поклонами, прижимая обѣ руки къ груди, подошелъ ко мнѣ съ привѣтствіемъ отъ бека.

Отпустивъ чиновника послѣ достархана, имъ мнѣ предложеннаго я спросилъ С. о причинѣ, побудившей его меня задержать въ сѣдлѣ и о которой я отчасти догадался, такъ какъ, прослуживъ въ Туркестанѣ года полтора, зналъ немного сартовскіе взгляды на чиновочитаніе. Оказалось, что все, что я продѣлахъ по совѣту С., надо было для нравственнаго воздѣйствія на толпу, которая зорко слѣдила за мной, и если бы я слѣзъ ранѣе чиновника-бухарца съ лошади, то былъ бы въ глазахъ ея ниже его; молодчина С. во-время меня водрузилъ на моего коня и спасъ положеніе своего командира и престижъ русскаго въ глазахъ бухарцевъ.

Отдохнувъ, отдалъ визитъ беку, у котораго вторично былъ мнѣ предложенъ достарханъ, а при вѣздѣ во дворецъ бека трубачъ бухарецъ игралъ какой то сигналъ, а два барабанщика изо всей силы били въ барабаны. Поговоривъ о путешествіи, вынивъ чаю, поѣли чуднаго бухарскаго плова изъ баранины, заѣли его изюмомъ и конфектами изъ бараньяго сала, послѣднее я узналъ на 4-й день пути, такъ какъ въ нашемъ достарханѣ, который возили всегда впередъ на нашъ ночлегъ были и конфекты, испортившіяся отъ жары и пахнущія горькимъ бараньимъ саломъ; въ свѣжемъ видѣ это вкусное лакомство, похожее на свѣжую соломку, но необыкновенно волокнистую, бѣлую и сладкую въ мѣру.

Дальнѣйшій путь нашъ шелъ до 5-го дня экскурсіи, ничѣмъ особенно не выдѣляясь, только встрѣчу намъ дѣлали все скромнѣе, и достарханъ, который бухарцы возили впередъ на слѣдующую остановку послѣ того какъ мы его отвѣдывали, дѣлался все грязнѣе, а конфекты изъ бараньяго сала такъ прогоркли, что мы ихъ выбросили собакамъ. Проникнувшись доводами С. по поводу необходимости поддерживать престижъ русскихъ, я сдѣлалъ С. замѣчаніе, что онъ ничего не дѣлаеть для поддержанія его, конечно, сказалъ это шутя, но результатъ получился удивительный; на слѣдующихъ встрѣчахъ, а ихъ дѣлали почти въ концѣ каждаго нашего перехода,

меня поразило многолюдство встрѣчающихъ свитѣ и какое то работѣпство даже. Заинтересованный такой перемѣной въ настроеніи бухарцевъ, я высказалъ о томъ мое удивленіе С. Оказывается, ларчикъ просто открывался: бухарцы, зная что ѣдетъ большой и важный офицеръ (я командиръ батальона), все менѣе обращали вниманія на офицера, сопровождаемаго такой малой свитой; не могли они никакъ понять, почему меня сопровождаетъ всего 40 человекъ охотниковъ. Послѣ моего разговора съ С. по поводу неудовлетворяющихъ меня со стороны бухарцевъ встрѣчъ, С. на вопросъ одного бухарца: почему у меня такая малая свита, отвѣтилъ ему: 'мой командиръ очень строгій офицеръ, а что его сопровождаетъ такое малое количество солдатъ, то это произошло отъ того, что онъ, за малѣйшую провинность караетъ разстрѣляніемъ или повѣшеніемъ, и вотъ по дорогѣ онъ многихъ казнилъ. День былъ базарный, конечно, слухъ о моей свирѣпости пошелъ гулять по базару и достигъ бека, ну а послѣдствія оказались налицо: огромная свита у встрѣчающихъ меня чиновниковъ и приемы подобострастные у бека, да толпа бухарцевъ, провожавшая меня на другой день съ безконечнымъ количествомъ всякихъ азіатскихъ любезностей: чистый достарханъ и 2 вѣнскихъ стула, которые послѣ достархана везлись впередъ на ночлегъ мой, чтобы тамъ служить мнѣ и С. сидѣньемъ во время достархана, служили доказательствомъ того, что газета востока—базаръ разнесъ обо мнѣ далеко извѣстіе о моей строгости и знатности. На одной изъ остановокъ мы испытали довольно сильное землетрясеніе, такъ что пришлось выскочить изъ дома, который, будучи построенъ изъ сырцоваго кирпича, далъ огромныя трещины. По всему пути, по которому пришлось ѣхать, всюду были видны: необыкновенное плодородіе почвы и страшная бѣдность населенія, которое беками доведено до полного обнищанія. Въ Бухарѣ бекства отдавались на откупъ бекамъ, которые, чтобы пополнить то, что они платили въ казну Эмиру, выжимали изъ населенія бекства все, что возможно, не забывая себя конечно. Бухарцы представляютъ изъ себя народъ, который остался тѣмъ же, чѣмъ былъ при Тамерланѣ, да того къ нему не прикоснулась цивилизація, за исключеніемъ потребленія въ огромномъ количествѣ пива, которое имъ пришлось по вкусу, да нашей водки, которую они тоже облюбовали, но ее пьютъ осторожно. Всѣ мои поползновенія разспросить бухарцевъ о ихъ жизни, не приводили ни къ чему, такъ они насъ дичились, а, можетъ быть, отчасти и боялись, особенно послѣ рассказовъ С. о моей жестокости и очень ужъ многорѣчиваго разговора съ ними

переводчика сарта, взятаго изъ Самарканда, который по свойственной его племени жадности къ деньгамъ, вѣроятно, все дѣлалъ, чтобы возбудить въ бухарцахъ еще большій страхъ, съ цѣлью получить побольше подарковъ отъ бека. Милый мой С. совѣтывалъ сарта прогнать, увѣряя меня, что мы обойдемся и безъ него, такъ какъ онъ самъ говорить по бухарски; я немного усомнился въ этомъ, и С. далъ мнѣ скоро возможность убѣдиться въ томъ, что это сомнѣніе было основательно. На одномъ изъ ночлеговъ я захотѣлъ молока и попросилъ его мнѣ купить. С. вышелъ изъ дома исполнить мою просьбу, а я остался въ немъ, отдыхая на походной кровати и скоро услышалъ сначала свистъ, разсѣкаемаго взмахомъ нагайки воздуха, а затѣмъ громовой голосъ С.: «Эй, амлекдаръ, сейчасъ достать молока для полковника!» — выглянувъ въ окно, я увидѣлъ такую картину: разставивъ свои длинныя ноги, помахивая нагайкой, стоялъ С., передъ нимъ амлекдаръ (нѣчто похожее на нашего сельскаго старосту), видимо напуганный и не понимавшій ничего изъ того, что ему говорилось знавшимъ отлично бухарскій языкъ С. Сцена была удивительно комична, я ожидалъ только, что все окончится тѣмъ, что С. будетъ наглядно показанъ способъ доенія коровы на комънибудь изъ солдатъ, но неожиданно явился сартъ переводчикъ и все разъяснилъ къ общему удовольствію, а С., прійдя ко мнѣ заявилъ, что молоко сейчасъ принесутъ. Я его спросилъ: «а какъ же Вы объяснили бухарцу о томъ, что вамъ надо молока?» — А по бухарски, отвѣтилъ не смущаясь С., не замѣтивъ моей насмѣшливой улыбки.

Конечно, послѣ всего мною видѣннаго, убѣдившись въ отличномъ знаніи туземнаго языка С., я былъ несказанно обрадованъ, когда оказалось, что въ командѣ нашелся солдатикъ, отлично говорившій по-сартовски и могущій вполне хорошо объясняться съ бухарцами. Переходы середины нашей экскурсіи были полны огромнаго удовольствія, такъ какъ было не такъ жарко; виды на окружающія насъ горы были восхитительны; арча ¹⁾ достигала огромныхъ размѣровъ и была необыкновенно красива на фонѣ горныхъ массивовъ. На одномъ изъ переходовъ до перевала черезъ Патта-Гисарскій хребетъ, мы видѣли слѣды очевидно бывшаго сильнѣйшаго землетрясенія, послѣ котораго все пространство пути на разстояніи около 3—4 верстъ было покрыто массой кучами набросанныхъ глыбъ, оторвавшихся отъ горъ, стоявшихъ большими отвѣсными стѣнами справа и слѣва нашего пути. Пройдя съ трудомъ между ними, мы увидѣли чудную долину, въ которой нашли

¹⁾ Родъ хвойнаго дерева.

кишлакъ, ²⁾ а поблизости отъ него виноградки, гдѣ поѣли съ удовольствіемъ чуднаго сладкаго винограда.

Дальнѣйшій нашъ путь шель черезъ горные хребты, отроги Патта-Гисарскаго, покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ, который слегка таетъ только въ концѣ мая, іюнѣ, іюлѣ и началѣ августа, а затѣмъ замерзаетъ на 8½ мѣсяцевъ.

Какъ то страннымъ кажется первое время пребыванія въ Туркестанѣ, что рѣки лѣтомъ полноводны, а въ остальное время года воды въ нихъ мало бываетъ, и она только временно прибываетъ послѣ обильныхъ дождей. Какъ и въ началѣ пути всѣ поля, по которымъ шла наша дорога, были сплошь обработаны, видна была кукуруза, клеверъ и даже хлопокъ и виноградъ; все говорило о плодородіи почвы, и казалось, что въ такомъ раѣ людямъ должно было житья хорошо и привольно, но поборы чиновниковъ, доходившіе чуть ли не до грабежа, дѣлали свое дѣло, и бухарцы влачили жалкое, нищенское существованіе рабовъ. На одномъ изъ переходовъ черезъ отрогъ Патта-Гисарскаго хребта намъ пришлось переходить по снѣгу, а такъ какъ переходъ былъ труденъ, то мы и не успѣли спуститься въ долину и заночевали на снѣгу вблизи кишлака. Хотя намъ бухарцы и предлагали переночевать у нихъ, но боясь получить какую нибудь болѣзнь или набратъ всякихъ насѣкомыхъ, я съ командой рѣшили переночевать на снѣгу, и тутъ то наши суконные мѣшки оказали намъ услугу: забравшись въ нихъ, подставъ немного клевера, мы сладко заснули; было тепло, несмотря на 8° мороза, и можно было даже раздѣться. Утромъ, правда, пришлось перенести непріятный холодъ во время умыванія и одѣванія, но зато потомъ мы насладились чуднымъ видомъ солнечнаго восхода, при которомъ горы, покрытыя снѣгомъ, представляютъ чудную картину. Переходъ этотъ былъ послѣдній по горамъ, дальше слѣдовалъ путь по равнинѣ до самаго Керки. Въ г. Шир-а-бадѣ, главнымъ городѣ бекства, я сдѣлалъ дневку, что было необходимо для немного приутомившихся людей и главное лошадей, въ непривычныхъ солдатскихъ рукахъ сильно уставшихъ при вьючномъ способѣ перевозки тяжести. Осмотрѣнныя вьючныя лошади вновь показали преимущество болгарскаго вьючнаго сѣдла, которое совсѣмъ не натерло лошади спины и только слегка стерлась шерсть на ляшкахъ заднихъ ногъ, это произошло отъ того, что поясъ, удерживающій вьюкъ отъ того, чтобы при спускѣ съ горы внизъ вьюкъ не слѣзалъ на шею лошади, былъ сдѣланъ не шерстяной, какимъ онъ

²⁾ Деревня.

долженъ былъ быть, а полотняный. Охотники прошли почти 300 верстъ отлично, благодаря опанкамъ и тренировокъ ихъ С., постоянно до экскурсіи нашей сновавшимъ по Туркестану съ разными порученіями моими и другого начальства. Пройденный путь оказался вполне проходимымъ не только для пѣхоты, но и для артилеріи и кавалеріи, и обозовъ, а прокормить отрядъ даже съ корпусъ можно было свободно.

Въ Шир-а-бадѣ я видѣлъ войска, обученныя нашими инструкторами. Бекъ захотѣлъ мнѣ ими похвастаться и приказалъ командиру баталіона показать ученіе. Въ назначенный мною часъ баталіонъ былъ готовъ и началось ученіе, которое было комично. Начать съ того, что въ войскѣ бухарскомъ служатъ солдаты, начиная чуть ли не съ 15 лѣтъ и до 50, одѣтые въ подобіе нашихъ пѣхотныхъ мундировъ старой формы съ погонами, на которыхъ можно было видѣть №№ всѣхъ полковъ русской арміи. Офицеры и унтеръ-офицеры были съ палками, всѣ эволюціи сомкнутого строя дѣлались по сигналамъ, причемъ впечатлѣніе получалось таково, будто трубачъ есть командиръ баталіона, а не тотъ толстый, видимо, ничего не знавшій бухарецъ, который былъ мнѣ представлень, какъ командиръ этого карикатурнаго баталіона.

Но что всего комичнѣе было, это боевое ученіе, которое заключалось въ томъ, что люди строились въ 3 шеренги: первая быстро отдѣлялась отъ строя, и люди, разсыпавшись на $\frac{1}{2}$ шага другъ отъ друга, ложились, послѣ чего часто прикладывались и и дѣлали видъ, что стрѣляютъ, вторая затѣмъ быстро къ ней подходила вплотную и тоже стрѣляла съ колѣна и наконецъ третья шеренга подходила къ первымъ двумъ и стоя стрѣляла, послѣ чего по сигналу всѣ три шеренги, словно бѣсноватые, начинали колотъ воздухъ, очевидно представляя себя въ роли колющихъ врага.

Оставшись доволенъ храбрымъ бухарскимъ баталіономъ, я ихъ поблагодарилъ по русски, послѣ чего бѣдняки вояки побрели въ свои землянки, служившія имъ казармами, все подъ звуки сигналовъ того же командира-трубача. Надо отдать справедливость офицерамъ и унтеръ-офицерамъ бухарцамъ, что для того, чтобы сдѣлать такое ученіе, какое мнѣ было показано, надо было употребить массу труда. Конечно, въ боевомъ отношеніи это было не войско, а пародіе на него. Служить это комичное войско только для того, чтобы сопровождать бека по бекству, когда дѣлаются сборы десятины. Бѣдные жители боялись своихъ воякъ ужасно, и

одно извѣстіе, что бека сопровождаютъ сарбазы, приводило всѣхъ въ ужасъ, такъ какъ голодная команда брала все даромъ, что ей надо было, чтобы пропитаться.

На переходѣ къ Керкамъ на полѣ я увидѣлъ человекъ 20 бухарцевъ, бѣгавшихъ словно сумасшедшіе по полю. Переводчикъ уѣхалъ, спросить было не у кого, я тогда обратился къ моему знатоку бухарскаго языка С., чтобы онъ разспросилъ, что это за люди. Скоро получился отвѣтъ, что это сумасшедшіе. Усомнившись въ этомъ, я сдѣлалъ видъ, что вѣрю объясненію С., но, какъ только подошелъ переводчикъ, я ему сказалъ, что видѣлъ, какъ сумасшедшіе люди бѣгали на свободѣ по полю; переводчикъ, удивленно на меня поглядывая, началъ меня разспрашивать, гдѣ и когда я это видѣлъ. Я ему рассказалъ видѣнное, и оказалось, что это были бухарскіе мальчики, ловившіе перепеловъ, для чего они надѣваютъ на себя бѣлый балахонъ съ длинными рукавами, просовываютъ въ нихъ палку и когда становятся между солнцемъ и перепеломъ, то отъ нихъ получается тѣнь на землѣ, похожая на ястреба; перепелъ, желая избѣжать опасности, убѣгаетъ, и гонимый бухарцемъ-ястребомъ, загоняется имъ въ силки, гдѣ и залуцывается; за день каждый мальчикъ налавливаетъ ихъ штукъ по 100 и продаетъ по копейкѣ штуку; хохотали мы съ С. во всю, а оказалось, что произошло все потому, что сумасшедшій называется по бухарски дывана, а перепелъ быдана, и знающему такъ хорошо бухарскій языкъ, какъ С., немудрено было ошибиться. При переходѣ отъ Шир-а-бада въ Керки жара была нестерпимая; переходъ былъ большой, шли цѣлый день, пить хотѣлось невыносимо, казалось, что все благоразуміе насъ покинетъ, и мы набросимся на арычную воду, но вдругъ С. закричалъ радостно: г-нъ полковникъ, сейчасъ напьемся кумыса, и понесся къ 2 юртамъ, стоявшимъ на совершенно голой отъ растительности землѣ; я тоже пришпорилъ своего коня и когда подѣхалъ къ юртамъ, то увидѣлъ, что С. пьетъ что то изъ глиняной миски, и видъ у него самый блаженный. Допивъ какое то питье, онъ еле могъ выговорить: «кумысъ, да какой холодный». Я, было, думалъ, что онъ рехнулся и испуганно слѣдилъ за нимъ, когда онъ полѣзъ со своей миской въ огромный глиняный кувшинъ ведеръ въ 20 емкостью, стоявшій на самомъ солнцепекѣ. Всявъ изъ рукъ С. миску съ чѣмъ то густымъ и бѣлымъ, я приложилъ ее къ губамъ и когда попробовалъ, то, не отрываясь, осушилъ ее до дна. Вотъ прошло 12 лѣтъ, какъ это случилось, а я до сихъ поръ помню то сладостное чувство, которое

испыталь, когда выпилъ кумысъ, оказавшійся не только не горячимъ, но даже слегка холодноватымъ; оказывается, что кувшины, въ которыхъ стоялъ кумысъ, были глиняные, сильно пористые, что и было причиною такого состоянія кумыса. Напоивъ солдатъ, передохнувъ слегка, мы собрались тронуться въ путь. Я досталъ нѣсколько рублей и крикнулъ въ юрту, чтобы дать деньги, бывшей тамъ женщиной, какъ вдругъ между полами изъ юрты протянулась красивая женская рука, на которой я и С. увидѣли рукава бѣлаго платья. Одна и таже ужасная мысль сразу мелькнула у насъ обоихъ: прокаженная женщина (онѣ носятъ въ Туркестанѣ всегда бѣлыя одежды и ходятъ съ открытымъ лицомъ)! Вся прелесть выпитаго кумыса была забыта, насъ стало тошнить, а въ головѣ бродили мысли одна другой ужаснѣе. Не знаю, до чего мы дошли бы, но вдругъ вернулся нашъ переводчикъ, узнавшій о причинѣ нашего нервнаго состоянія отъ меня. Оказалось, что благодѣтельница, напоившая насъ кумысомъ, была не прокаженная, а туркменка: женщины туркменки тоже носятъ всегда бѣлое платье. Сразу же вся тошнота прошла и мы, выпивъ кумыса еще по чашкѣ, двинулись въ путь на Керки, куда и прибыли вечеромъ. Конечно милая туркестанская семья 9 и 14 баталіоновъ насъ встрѣтила, пріютила, накормила и даже заставила потанцовать; оказалось, что у нихъ въ тотъ день танцевальный вечеръ.

На другой день, осмотрѣвъ людей, лошадей и вьюки, нашель, что лучшимъ оказался болгарскій вьюкъ—самарь, а хуже всего казенные. Молодцы охотники прошли путь превосходно, ни одинъ не отсталъ, не потерялъ ногъ и не былъ боленъ. Опанки оказались превосходной обувью, особенно когда приладить ихъ хорошо на ногъ, для чего ихъ сначала намачиваютъ, а затѣмъ на теплую портянку, одѣтую на ногу, надѣваютъ и даютъ на ней высохнуть. Пригонка эта дѣлаетъ опанокъ отличной походной обувью. Всѣ части ступни отлично выдавливаются на мокрой кожѣ и, когда опанокъ высохнетъ, получается отлично пригнатая по ступнѣ обувь; немного соломы подъ подошву и въ опанкѣ идти прекрасно, легко, не жметъ и удобно. Весь путь до Керковъ оказался отлично проходимымъ для всѣхъ трехъ родовъ оружія. Вьюки же оказались лучшими тѣ, которые были проще по конструкціи и особенно всѣ спутники экскурсіи признали хорошимъ болгарскій вьюкъ, удобнымъ и для вьючки на него горнаго орудія.

Да, кстати, вспоминаю эпизодъ съ испытаніемъ вьюка Скобелева, предназначеннаго для перевозки раненыхъ; получивъ прика-

заніе испытать его, я приказалъ завѣдывающему хозяйствомъ испробовать вьюкъ и дать свое заключеніе объ удобствѣ перевозки на немъ раненыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для перевозки ихъ не будетъ чего нибудь болѣе удобнаго. Черезъ нѣсколько дней приходитъ завѣдывающій хозяйствомъ и докладываетъ съ отчаяніемъ въ голосъ, что это не носилки, а что то невозможное и что на нихъ нельзя перевозить не только тяжело раненыхъ, но и здоровыхъ. Я попросилъ мнѣ показать способъ навьючки раненыхъ на верблюда, не понимая почему это оказалось такъ плохо. Привели верблюда, Скобелевскія носилки были уже на немъ, тутъ же стояли со смущенными лицами 2 солдата-линейца, изображавшіе тяжело раненыхъ и видимо не особенно довольныхъ, что попали на экспериментъ съ погрузкой въ качествѣ раненыхъ. Приказавъ показать мнѣ способъ погрузки, я сталъ смотрѣть, что будетъ. Оказалось, что верблюда для удобства укладки раненыхъ на вьюкъ, заставили сначала лечь. Верблюдъ опустился и, педжавъ подъ себя ноги, безучастно поглядывалъ на всѣхъ его окружавшихъ, подозрительно отрывивая жвачку, которую иногда разозлившись выплевываетъ на своего недруга. Послѣ этого обоемъ линейцамъ, у которыхъ была сдѣланъ перевязка, словно они ранены въ руку и ногу, приказали ложиться на носилки одному съ одной стороны верблюда—другому съ другой. Бѣдняги безропотно полѣзли, но на лицѣ ихъ виденъ какъ бы испугъ отъ чего то предстоящаго имъ. Я спросилъ о причинѣ, и они оба запросили имъ не дѣлать перевязки рукъ и ногъ, такъ какъ они ими должны держаться за носилки, на которыхъ ихъ уложили. Конечно разрѣшенія на это бѣдняги не получили: вѣдь, они оба изображали раненыхъ, и надо было видѣть ихъ опечаленныя лица, нисколько не возбудившія ни у меня, ни у другихъ никакого состраданія, а вызвавшія только смѣхъ и названіе имъ «трусы и бабы». Помѣстивъ бѣдныхъ раненыхъ на носилки на верблюдѣ, завѣдывающій хозяйствомъ приказалъ поднять верблюда, а въ головахъ у него для чего то стать нѣсколькимъ солдатамъ. Я молча глядѣлъ на эту предосторожность и всѣ работы завѣдывающаго хозяйствомъ и еле сдерживался, чтобы не разсмѣяться, такъ какъ только теперь понялъ, что страхъ бѣднягъ мнимо-раненыхъ не напрасенъ. Послѣ энергичнаго понуканія со стороны вожака верблюда послѣдній поднялся быстро, сначала на заднія ноги, отчего бѣдняги раненые стали вываливаться внизъ изъ носилокъ, но быстрый толчокъ при вскокѣ верблюда на переднія ноги, заставилъ ихъ совершить сальто-морталѣ въ волдухѣ, и

хорошо, что были поставлены у головы верблюда предусмотрительнымъ завѣдывающимъ хозяйствомъ солдатики, подхватившіе на руки показавшихъ клоунскій прыжокъ трусишекъ и бабъ, какъ мы ихъ заранѣе окрестили, иначе быть бы имъ обоимъ съ какимъ нибудь увѣчьемъ.

Возмущенный явно, по его мнѣнію, никуда негоднымъ Скобелевскимъ вьюкомъ, завѣдывающій хозяйствомъ тутъ же высказалъ свое мнѣніе о немъ: надо отвѣтить въ штабъ округа, что для перевозки раненыхъ носилки никуда негодны, такъ какъ только калѣчать людей, разрѣшите, г-нъ полковникъ.

На это получилъ отъ меня отвѣтъ: нѣтъ, погодите, дайте я продѣлаю самъ укладку раненыхъ, по своему. Бѣдняго акробаты по неволѣ съ неособенно довольнымъ видомъ ждали повторенія эксперимента съ ихъ укладкой. Приказавъ снять носилки (ихъ 2-е по одной съ каждой стороны вьюка) и положить ихъ на землю, я приказалъ на нихъ лечь раненымъ, носилки поднять, привязать къ вьюку, уравнивъ ихъ мѣшечкомъ съ пескомъ, послѣ чего обрадованные раненые сразу же заболтали весело, что вьючить ихъ такъ, какъ я показалъ, куда безопаснѣе и способнѣе. Нужно было видѣть лицо моего завѣдывающего хозяйствомъ, тутъ же признававшего, что такая простая вещь не пришла ему въ голову, и согласившагося, что вьюкъ, при отсутствіи лучшаго, вполне можетъ служить для перевозки раненыхъ. о чемъ и донести слѣдуетъ въ округъ.

Ж. А. Л.

